

ЭТИКА ДИКОЙ ПРИРОДЫ И АБСОЛЮТНАЯ ЗАПОВЕДНОСТЬ

В.А.Бриних, директор частного учреждения

«Институт региональных биологических исследований», г. Майкоп, Россия

В своей работе «Прорыв в экологическую этику» В. Борейко указывает на этику дикой природы как на радикальное направление экологической этики. В отличие от этики земли Олдо Леопольда этика дикой природы Линды Грэбер направлена против любого использования участков дикой природы, она ориентирована на уважение свободы, других прав дикой природы и почитание дикой природы как священного пространства. Ее цель – максимальное неиспользование дикой природы, а также заповедание как можно большей площади дикой природы. В этом этика дикой природы во многом перекликается с отечественной идеей абсолютной заповедности, на основе которой создана и пока еще существует на постсоветском пространстве уникальная система заповедников и разработана целая научная дисциплина – заповедное дело.

Этика дикой природы основывается не только на законах экологии и сентиментальных чувствах добра, жалости или любви, но и на религиозных чувствах. Такой подход не является каким-то американским открытием. Он существует в культурах разных народов испокон веков (священные места, рощи, деревья), а почитание гор как святых мест и обиталищ богов и духов присутствует во многих древних религиях еще с языческих времен. Из более-менее свежих примеров практического использования религиозного подхода в заповедном деле можно считать создание национального парка «Алханай» в Агинском Бурятском автономном округе (сегодня – Забайкальский край). Гора Алханай считается в буддистской религии 6-й по значимости священной горой в мире, поэтому угроза открытия золотодобычи у её подножий вызвала практически общенародное движение за создание в этом регионе (с преобладающей буддистской религией) федеральной ООПТ. Религиозные мотивы в настоящее время также активно используются для противодействия планам Газпрома по прокладке газопровода в Китай через священное для алтайцев плато Укок, входящее в территорию Всемирного Природного Наследия.

Несмотря на во многом справедливую критику В. Борейко современной ситуации в отечественном заповедном деле, призванном реализовывать на практике принцип абсолютной заповедности, данная форма территориальной охраны сохранившихся участков дикой природы более жизнеспособна, чем то, что предлагают приверженцы «глубинной экологии». Мне кажется, что, несмотря на некий дуализм в современном заповедном деле, перспективно будет не его отрицание в пользу охраны дикой природы с позиций глубинной экологии, а нечто общее, основанное на синтезе отечественных идей абсолютной заповедности и американских теорий глубинной экологии. Тем более, что и те, и другие основываются на находящем в мире всё большее признание экосистемном подходе и приоритетах сохранения средообразующих функций экосистем. Хотелось бы обратить внимание на информационную функцию экосистем как обеспечительную по отношению к биоразнообразию. Научная направленность деятельности отечественных заповедников, критикуемая В. Борейко и противопоставляемая им охране дикой природы, как раз и призвана, в первую очередь, мониторить информационную функцию экосистем и биосферы в целом.

О значимости информационной функции малонарушенных естественных экосистем (дикой природы) в контексте значимости заповедных территорий хорошо сформулировал тезисы Эмиль Шукуров:

- Жизнь – Божественный Текст, каждое слово которого значимо и находится в осмысленном соединении с другими. Каждое слово существенно, потому что является существом.

- И только природа, которую мы зовем дикой, – Кладезь Божественных Текстов.

- Они воспроизводят Жизнь. И уничтожение слов этого текста и целых его частей – кощунственно. Ослабленный текст воспроизводит ослабленную Жизнь.

- Разрушенный текст разрушает Жизнь.

- Так называемый «культурный» ландшафт – бессмыслица, разрушенный текст, слова-существа в котором соединены не природными связями, а произволом человека. Этот безумный текст убивает Жизнь и только сохранившиеся осмысленные тексты дикой природы пока еще с трудом восстанавливают ее.

- Одичание современного человека прямо пропорционально сокращению дикой природы.

- И только отдельные люди оберегают хранилища Священных Текстов Природы.

- Эти хранилища – Заповедные Территории.

- Утрата этих текстов означает утрату Смысла Жизни.

- Бессмысленная Жизнь невозможна. Потеря смысла равносильна смерти.

- Назначение Заповедных Территорий не только сохранять Священные Тексты Природы, но и восстанавливать их там, где они утрачены, нарушены, искажены.

- Заповедные территории – Хранители Смысла Жизни.

- Заповедные Территории – Стражи Жизни.

- Каждая Заповедная Территория – центр мироздания. Каждая несет на себе печать всей Вселенной. Каждая сама творит эту Вселенную.

- Заповедник – Божественная Заповедь. Священная Заповедь Природы.

Именно с этой точки зрения следует правильно оценивать первичность целей организации заповедников для сохранения естественных процессов в комплексе на всей заповеданной территории, а не для поддержания только продуцирующей функции экосистем. Поэтому задачей любого заповедника является сохранение дикой природы в форме свободного существования биоразнообразия, а не обеспечение выживания какого-то конкретного вида (ресурса), пусть даже очень редкого и вымирающего.

Кстати, ориентируясь на тезисы Э. Шукурова о Жизни и заповедниках, совершенно ясно, что создание и функционирование заповедников на территориях, где дикая природа уничтожена или существенно разрушена, абсолютно бессмысленно и в принципе не соответствует целям создания заповедников. Именно этот критерий (состояние дикой природы) должен рассматриваться в качестве основного критерия при определении статуса той или иной категории ООПТ.

То же самое касается услуг. Для предоставления населению услуг в области природопользования следует создавать не заповедники, а национальные и природные парки, рыбозаводные и охотничьи хозяйства. У заповедников и так сама по себе важнейшая роль в жизнеобеспечении человечества, так как они предназначены именно для поддержания естественного производства экосистемных услуг. Для этой цели (правда, тогда такой экономической терминологии не применялось) идеологами заповедного дела (Г.Кожевников, Ф.Штильмарк и др.) и был обоснован принцип абсолютной заповедности, направленный на защиту именно экосистемных функций (в их современном понимании).

Экоэтический принцип «сохранение природы ради неё самой», основанный на самоценности Природы, не всегда находит отклик в сердце обывателя, но хорошо объясним с позиций экосистемного подхода.

Чем устойчивее функционирует экосистема, чем лучше она выполняет свои средообразующие (регулирующие, поддерживающие и информационные) функции, тем более мы приближаемся к абсолютной заповедности, тем более полно и значимее заповедник способен оказывать экосистемные услуги по поддержанию биосферного порядка. Понятно, почему идея абсолютной заповедности не находит поддержки ни среди чиновников, ни у большинства ученого сообщества, ни даже среди многих специалистов заповедного дела. Ведь абсолютная заповедность в чистом виде – это идеальный режим полной неприкосновенности, направленный на поддержание естественных спонтанных природных процессов и явлений в дикой природе. Как писал Г.А. Кожевников (1909), «всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы. Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе». Включение же в экосистемные услуги рекреации и туризма на заповедных территориях противоречит идеологии абсолютной заповедности, хотя легко вписывается в схему рыночных отношений. Ведь экономически оценить средообразующие функции любой экосистемы достаточно сложно, хотя суммарная стоимость таких услуг значительно выше, чем доходы от потребления природных ресурсов. Можно даже утверждать, что ценность неиспользования любой природной экосистемы гораздо выше (как минимум, на порядок), чем ценность прямого использования продуцируемых ею ресурсов. В докторской диссертации И. Глазыриной (2003) определена стоимость экосистемных услуг всего природного комплекса Читинской области; которая оказалась в 30 раз выше ВВП региона. А стоимость экосистем всей Земли почти в 2 раза превышает ВВП всех стран мира (Костанза и др., 1997).

Необходимость оптимизации системы ООПТ России давно назрела и необходима. Первичность предназначения заповедников в качестве источника именно экосистемных услуг определяет повышенные требования к их отбору в качестве строго охраняемых природных территорий. Ведь, чем лучше сохранена экосистема, тем выше качество и объемы экосистемных услуг. Поэтому заповедники, учитывая презумпцию опасности любой человеческой деятельности, должны быть закрыты для любой деятельности, а значит, объективно лишены возможности самостоятельно зарабатывать деньги оказанием любых иных, кроме истинно экосистемных (средообразующих), услуг. Одним из решающих критериев для отбора подлежащих заповеданию территорий должна быть малонарушенность (в идеале – девственность) экосистемы и сохранение в ней механизма саморегуляции. При этом оказывается не столь важен размер собственно заповедной территории. Во многих случаях достаточно правильно определить ключевые участки, требующие строгой охраны, а остальные площади сохранять в более умеренном режиме обязательной охранной зоны, а также в виде экологической сети ООПТ менее строгих категорий, но под единым управлением администрации заповедника. По такому кластерному принципу создан и успешно функционирует, например, заповедник «Даурский» в Забайкальском крае.

Проведение на территории заповедников плановых возобновительных, (ре-) акклиматизационных, регуляционных, санитарных или биотехнических мероприятий является, по сути, одним из видов хозяйственной деятельности и поэтому не допустимо. Это еще один аргумент в пользу отбора для заповедания исключительно малонарушенных территорий, изначально не требующих человеческого вмешательства в естественные

процессы. Недопустимо также устанавливать для заповедников какие-либо плановые финансово-экономические показатели по доходам в качестве индикаторов успешности их деятельности.

Всем, включая экономистов, оценивающих эффективность вложения бюджетных средств в ООПТ, следует изменить свой взгляд на предназначение тех бюджетных денег, которые идут на зарплату, вооружение, строительство кордонов и прочие расходы на деятельность любого учреждения, управляющего ООПТ. Не оценивать каждый вложенный рубль с точки зрения количества пойманных нарушителей или предотвращенных пожаров, а использовать экосистемный подход, применяя, в том числе, Адисс-Абебские принципы устойчивого использования биоразнообразия.

Понятно, что для чиновников гораздо проще свести дебит с кредитом по привычным показателям, чем оценивать успешность деятельности заповедника по каким-то виртуальным объемам накопленного углерода, воздействия на климат и сток воды, сохранения биологического разнообразия и пр. Практически отсутствуют научно обоснованные методики оценки экосистемных услуг (в отличие от услуг природопользования), индикаторы и прочие параметры экономических оценок. Поэтому часто возникает путаница, зачастую умышленная, в понятиях и оценках. Так, специалисты общественного Центра «Заповедники», созданного для продвижения туризма и рекреации на ООПТ, на деньги ПРООН проводят семинары, на которых учат работников российских заповедников развивать познавательный туризм и продавать сувениры, выдавая эту деятельность за предоставление экосистемных услуг. Некая фирма из Ярославля, выполнявшая хоздоговорную тему, в качестве примера экосистемной услуги, оказываемой Костомукшским заповедником, приводит городской водозабор г. Костомукши, находящийся на территории заповедника. За поставку воды заповедник получает доход, зависящий от объема поставленной воды. Но на самом деле экосистемной услугой заповедника является не этот водозабор, а поддержание водорегулирующей функции лесных и водно-болотных экосистем, сохраняемых в заповеднике.

Очевидно, что при сохранении нынешнего «утилитарного» подхода показатели финансово-экономической деятельности заповедников всегда будут проигрывать показателям деятельности даже природных парков и ботанических садов, не говоря уж о национальных парках типа Сочинского. Положение может исправить только обязательный учет стоимости всего объема экосистемных услуг, производимых заповедником (в первую очередь, не связанных с прямым использованием ресурсов).

При этом строгость режима охраны и недопущение негативного воздействия на малонарушенные экосистемы будет способствовать росту его природного капитала, а значит, и росту показателей успешности деятельности заповедника. Таким образом, приоритет получают выгоды (полезности) от реализации экосистемных, т.е. природоохранных, услуг, а не от природопользования. Получит научное обоснование допустимость и даже необходимость сохранения заповедников (в отличие от иных категорий ООПТ) исключительно в области природоохранной деятельности, тогда как другие ООПТ могут быть источником услуг как экосистемного характера, так и природопользовательского. Администрация заповедника будет кровно заинтересована в сокращении масштабов любой человеческой деятельности на подконтрольной территории, что неизбежно будет приближать режимы заповедных территорий к критериям абсолютной заповедности.